

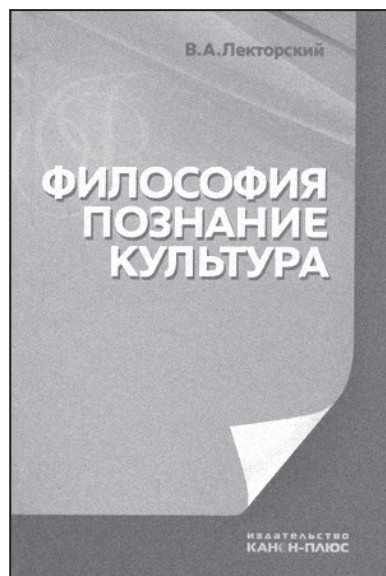
О Т КЛАССИЧЕСКОЙ К НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ ПОЗНАНИЯ¹

(Рецензия на книгу: Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М. : Канон+, Реабилитация, 2012)

В.А. БАЖАНОВ

В настоящее время феномен идеологизированной науки представляет лишь исторический интерес. Между тем сравнительно недавно – каких-то 30 лет назад – этот феномен в некоторых формах еще существовал и некоторые из наших старших коллег предпринимали серьезные усилия, чтобы, по меткому выражению В.Н. Садовского, вытащить себя из пучины марксистского догматизма и втащить – за счет самообразования – в те или иные области философского знания. Автор книги – действительный член РАН Владимир Александрович Лекторский – принадлежит именно к этому поколению, преодолевавшему ортодоксальный марксистский подход, хотя вовсе не нигилистски относившемуся к его эвристически сильным компонентам. Это был

сложный и полный драматизма процесс, который требовал от борцов-философов с марксистским

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00005) и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг. (мероприятие 1.3.2)».

догматизмом не только человеческой честности и чувства собственного достоинства как независимых мыслящих личностей, но и изрядной доли смелости. Так, в ставшей ныне едва ли не классической книге В.А. Лекторского «Субъект, объект, познание» (М., 1980) имеется всего лишь несколько (из многих сотен) ссылок на труды известных «классиков марксизма-ленинизма», а в библиографии литературы, которая использована при написании книги, эти труды отсутствуют вовсе. Между тем в годы издания этой книги теория познания однозначно отождествлялась с ленинской теорией отражения, и любой (явный или неявный) отход от этой позиции мог повлечь суровые санкции против отступников.

Лекторский возглавлял журнал «Вопросы философии» в период «бури и натиска», связанный с мощным процессом переоткрытия многих ценностей отечественной и зарубежной культуры 1980–1990 гг., когда его тираж достигал почти 90 тыс. экземпляров и каждый номер ожидался многочисленными (по)читателями с поистине революционным нетерпением.

В годы, которые последовали за перестройкой, Лекторский продолжал интенсивно работать. В рецензируемую книгу включены тексты публикаций и выступлений Владислава Александровича за последние 10 лет.

Если попытаться выразить некоторые общие – с высоты «птичьего полета» – впечатления о книге, то отчетливо видно, что это десятилетие автор энергично размышлял, причем не только о сугубо теоретико-познавательных, эпистемологических проблемах, но и о вопросах общекультурного порядка: о хри-

стианских ценностях, смысле жизни и смерти, либерализме, правах человека, социальных технологиях, особенностях развития отечественной гуманитарной и философской мысли, тех людях и коллегах, которые как-то повлияли на мировоззрение философа-мыслителя, его методологию и ценностные установки. Масштаб размышлений очень широк и показывает беспокойство автора по поводу смысла существования человека в современном мире и перспектив сохранения рационального отношения к этому миру.

И все-таки представляется, что центральными и наиболее оригинальными в книге являются те ее фрагменты, которые относятся к непосредственным профессиональным интересам автора – к эпистемологической проблематике. Так, вовсе не случайно книга фактически начинается с обсуждения вопроса о рациональности (рациональностях) как ценности культуры и предпринимается попытка осмыслить современные вызовы рациональности, коренящиеся в культуре (С. 24), ответ на которые невозможен без традиционных для европейской культуры обязательств в виде сострадания, самоотверженности и любви (С. 36).

Эволюция понимания рациональности ставит множество важных внутриэпистемологических проблем, которые являются открытыми и по сей день. Им философ Лекторский уделяет повышенное внимание.

Эти проблемы рассматриваются в контексте новейших достижений когнитивных наук, заставляющих не только переосмыслить понимание знания и процесса познания, характерные для клас-

сической философии, но и предложить их интерпретации, позволяющие утверждать факт перехода к неклассической версии эпистемологии, где, например, снимается традиционная дихотомия знания о сущем (фактах, природных зависимостях) и должном, выраженных в нормативных суждениях (С. 58, 114).

Неклассическое понимание знания во многом обязано постпозитивистской философии науки, заметившей факт тесного переплетения знания и веры и заявившей о невозможности непогрешимого знания. Задача современной эпистемологии оказывается двуединой: сформулировать стандарты, позволяющие различить знание и незнание, научное и ненаучное знание (прескриптивная задача) и описать, объяснить механизмы познавательного процесса (дескриптивная задача). Это предполагает скрупулезный анализ психологизма и антипсихологизма, реализма и антиреализма, конструктивизма и натурализма и иных эпистемологических доктрин и подходов. Такого рода анализ и проводится Лекторским, который замечает, что ряд положений современной эпистемологии так или иначе восходит к классике и, например, мощное противодействие психологизму можно наблюдать уже у И. Канта², а апогей критики психологизма достигнут у Э. Гуссерля. Действительно, трансценденталистскую интерпретацию сознания, восходящую к Канту, и его натуралистическую интерпретацию, предполагающую психологизм, трудно

(если вообще возможно) совместить в последовательной теоретико-познавательной доктрине, покоящейся на твердых классических представлениях. Автор книги здесь категоричен: эти «установки сознания исключают друг друга» (С. 93), хотя думается, что богатство кантовской философии и последующее развитие ее идей позволяет выбрать более компромиссную точку зрения. Тем более что к этому подталкивает стойкая тенденция натурализации эпистемологии в результате достижений когнитивных наук, которые посредством идеи ментальных репрезентаций «обеспечивают контакт познающего существа... с миром и определяют его действия» (С. 103).

Речь здесь идет о последней, новейшей стадии развития когнитивных наук, которая породила качественно новое понимание познания в виде телесно воплощенного и деятельностного, известного ныне как *энактивизм*. Лекторский глубоко и подробно анализирует новое понимание познания и показывает, что его предпосылки можно найти в поисках отечественных мыслителей, которые в свое время старались разработать деятельностный подход. Этот подход настаивал на неразрывности познания и деятельности в мире и на более гибкой версии познавательного реализма. Здесь, подчеркивается в книге, очень велики заслуги отечественных мыслителей. Деятельностный подход успешно развивался и самим Лекторским. К генезису в советской философии деятельностной концепции и ее развитию он

² Хотя, как нам кажется, И. Кант своей идеей априоризма, ставшей краеугольным камнем концепции активности субъекта познания и сознания, внес заметный вклад и в развитие собственно психологизма.

обращается многократно; ей посвящен и отдельный параграф (С. 264–280). Мотивы этих возвращений очевидны: именно эта неклассическая концепция, как стремится обосновать автор, определяет статус и перспективы развития современной эпистемологии. Мысль о том, что онтологический статус деятельности более фундаментален, нежели существование отдельных объектов-вещей, содержит столь богатый теоретико-познавательный потенциал и может продуцировать оригинальный эпистемологический дискурс, что далеко не все ее следствия получены и нами вполне осознаны.

Дилемма реализма и антиреализма в современной эпистемологии обсуждается в книге в контексте противостояния реализма и различных разновидностей конструктивизма, которые воплощают в себе «дух» антиреализма, причем и постмодернизм и постструктурализм также фактически соответствуют установкам конструктивизма. Здесь вновь нельзя не вспомнить о Канте – «первом эпистемологическом конструктивисте», поскольку по существу имеется в виду положение о том, что человек учится видеть себя частью наблюдаемого им мира, который он сам сконструировал (С. 125, 129). Некlassическая теория познания предполагает классическую в качестве своей предпосылки и фундамента для понимания. Вероятно, здесь возможна аналогия с принципом дополнительности (в квантовой механике), который состоит в неклассическом использовании понятий классической физики.

Владислав Александрович находит веские аргументы в пользу защиты реализма, причем концеп-

ция конструктивного реализма ему представляется «наиболее перспективной и современной», а современные теории психологического восприятия, соответствующие этой концепции, расцениваются как «революционные». И понятно, по какой причине возможна такая оценка. Если в классической теории познания принято выделять два уровня – чувственный и рациональный, которые характеризуются качественно различными формами – ощущением, восприятием, представлением и понятием, суждением и умозаключением, то здесь мы вступаем на территорию неклассической доктрины: восприятие уже предполагает деятельность мозга на основе ментальных репрезентаций, что заставляет считать его разновидностью мышления, т.е. стирается грань между рациональным и чувственным уровнями познания (С. 142–143). С точки зрения энактивизма в восприятие включены не только сознание и мозг, но и все тело и окружение воспринимающего субъекта. Последний «вырезает» из окружающей его реальности только то, на что направлена его деятельность.

Рассуждая о человеке, автор замечает, что традиционный европейский гуманизм являлся историческим продуктом секуляризации христианских ценностей. Модный ныне постмодернизм в этом смысле существенно отходит от этих традиций. Нельзя не обратить внимания, что автор оценивает постмодернизм как открытый разрыв с упомянутыми ценностями; это продукт «нехристианской культуры» (С. 212). Секуляризация христианских ценностей выразилась и в рационализме, который в конечном счете оказался в фундаменте

триумфа культуры и науки, значительно улучшивших обыденную жизнь большей части человечества. Низвергать эту ценность европейской культуры недопустимо.

Особый интерес представляет раздел книги, посвященный «актуальному прошлому» и включающий в себя размышления об отечественной гуманитарной мысли и воспоминания о коллегах философов и людях, которые встречались в жизни старейшего сотрудника Института философии Российской Академии наук (в смысле пребывания в стенах этого института): В.А. Лекторский является сотрудником Института философии с 1957 г., а поступил он на философский факультет Московского университета в 1950 г. в разгар сталинизма, фактически в момент первого проблеска, рождения в нашей стране идей, которые должны были покончить не только с тоталитаризмом как таковым, но и с соответствующей ортодоксально-неповоротливой идеологией, причем автор книги был не сторонним наблюдателем, а активным участником ключевых событий, которые сопровождали ожесточенную борьбу с марксистским догматизмом и обретение отечественной философией своего неидеологизированного, в полном смысле слова *научного* облика.

Освобождение от марксистско-ленинской ортодоксии в полном соответствии с диалектической традицией началось в ее недрах: Э.В. Ильенков открыл новое исследовательское поле, которое состояло в поиске «логики» построения научной теории посредством «восхождения от абстрактного к конкретному» (а

не от «живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него к практике»), а В.И. Коровиков отказывал философии в функции натурфилософии, которая позволяла бы философии подменять собой специальные науки. Свежие идеи вызвали вал идеологически фундированной критики со стороны закаленных борцов идеологического фронта. «Еретики» и их молодые сторонники были обвинены в ревизионизме (который считался, между прочим, более опасным, чем «буржуазная» философия, см.: С. 349). Они были вынуждены покинуть стены Московского университета. Центр свободомыслия переместился в Институт философии АН СССР. Ожесточенные схватки еще долго сотрясали стены Института — они не стихали вплоть до начала 1980-х гг.

Чрезвычайно яркой личностью и интеллектуально влиятельным мыслителем в 1960–1970-х гг. был Г.П. Щедровицкий, об идеях которого увлеченно пишет Лекторский. Щедровицкий искал свою уникальную стезю в философии с помощью разработки приемов «содержательно-генетической» логики, методологии операционально-рефлексивной деятельности мышления. Обладая выдающимися данными как оратор (автор этих строк неоднократно лично в этом убеждался) и организатор, Георгий Петрович увлек за собой множество людей в самых разных уголках СССР, положив начало популярному Московскому методологическому кружку и соответствующему методологическому движению. Здесь разрабатывалась общая теория деятельно-

сти, которая в фокус своего внимания помещала уже не познание, а процедуры проектирования, снимающие, по мнению участников движения, противопоставление собственно познания и практики. Щедровицкий настаивал на позиции бессубъектности при изучении мышления и Лекторский разделял антипсихологический пафос этой установки (С. 313).

Владислав Александрович характеризует Щедровицкого как «ультрарационалиста» (С. 301), который посредством своей методологии стремился конструировать и онтологии, и эффективные технологии мышледеятельности. Акцент на практическом значении своей методологии привел Георгия Петровича к разработке организационно-деятельностных игр, в ходе которых, как он считал, могли решаться важные народно-хозяйственные проблемы.

Идеи Щедровицкого, излагаемые в его многочисленных выступлениях, завораживали коллег. Некоторым нашим известным философам предстояло «переболеть» Щедровицким. Они вышли из «болезни» интеллектуально заметно возмужавшими и способными к продуцированию самостоятельных нетривиальных идей и концепций. Сам Георгий Петрович наиболее близким себе по духу и подходу считал, наверное, лишь И. Лакатоса, также энергично развивавшего методологические исследования.

В конце книги помещено интервью с В.А. Лекторским. В нем Владислав Александрович рассказывает о своем становлении как философа, о коллегах и о духе того времени. Мы узнаем, что «центральной фигурой в преодолении прежнего догматизма» был

Т.И. Ойзерман (С. 325), что между представителями различных направлений развития отечественной философии существовали непростые отношения, которые выражались в острых дискуссиях, обогащавших эти направления, что при описании метаморфоз советской философской мысли надо учитывать своего рода «двоемыслие» официальных идеологов, «капитанов» марксистско-ленинской доктрины, которое выражалось в публичном обличении философов, высказывавших новые идеи, но и в заказе этим же философам разных важных справок «наверх». Из воспоминаний Владислава Александровича можно узнать много интересного и, увы, печального о нашей сравнительно недавней философской истории.

Хотелось бы отметить еще один дар Лекторского: писать просто о сложном, прозрачно излагать высокую философскую мысль — дар, который соответствует славным традициям отечественного рационализма.

Зарубежные коллеги хорошо знают и высоко ценят Владислава Александровича как мыслителя. Он является действительным членом Международного института философии (в Париже), Международной академии философии науки (в Брюсселе), иностранным членом ряда других академий. Это признак зрелости современной философской мысли России, ее «вписанности» в мировой контекст, но одновременно и самобытности.

Новая книга академика РАН В.А. Лекторского безусловно крупное событие в отечественной гуманитарной мысли, значительный вклад в развитие эпистемологических исследований.